

В Е Р А Колочкова

Счастье
прилетает
вовремя

Синица на кухне

Вера Александровна Колочкова
Синица на кухне
Серия «Секреты женского
счастья. Проза Веры Колочковой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74430436
Синица на кухне : роман / Вера Колочкова: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-253968-8

Аннотация

Искренний роман о надежде, прощении и любви, всегда приходящей вовремя.

Случайная синица, залетевшая в окно, становится предвестницей больших перемен. Муж ушел к другой, трое детей требуют заботы, новая работа преподносит одно испытание за другим. А впереди еще встреча с женщиной, чье сердце разбито не меньше, чем ее собственное. Иногда жизнь отнимает слишком много, чтобы однажды вернуть самое главное. Искренний роман о надежде, прощении и любви, которая приходит неожиданно.

5 причин прочесть:

1. Это жизненный роман о женщине, которая после предательства мужа пытается заново выстроить свою жизнь и сохранить опору для детей.

2. Такое чтение помогает пережить трудный период вместе с героиней и поверить, что даже после болезненных потерь жизнь может подарить новый смысл.

3. Под обложкой – не только семейная драма, но и история о втором шансе, душевной близости и любви, которая приходит тогда, когда ее уже не ждешь.

4. Вера Колочкова пишет о простых человеческих судьбах искренне, тепло и с вниманием к тем чувствам, которые знакомы многим женщинам.

5. Красивое издание, комфортный шрифт и твердый переплет делают книгу приятным подарком себе и близким.

Похоже на:

– Для поклонников эмоциональной прозы о семье, женской стойкости и любви, которая приходит после боли.

– Для тех, кто любит теплые жизненные романы о втором шансе и неожиданных поворотах судьбы.

Вера Колочкова

Синица на кухне

*«Добро должно быть с кулаками», —
Из древних кто-то утверждал.
А в кулаке зажатый камень
Меж тем своей минуты ждал.
И мне всегда мешала малость
Поверить в эту благодать:
Да, кулаки — они остались.
Добра вот только не видать.*

Андрей Дементьев, «Добро должно быть с кулаками»

*Зло без добра не сделает и шага,
Хотя бы потому,
Что вечно выдавать себя за благо
Приходится ему.
Добру, пожалуй, больше повезло:
Не нужно выдавать себя за зло!*

Валентин Берестов, «Добро и зло»

© Колочкова В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Утро выдалось, как всегда, суматошным, хотя удалось поднять всех рано, без привычного Кирюшиного хныканья и причитания: «Отстань, мам, дай еще минутку...» Даже Таня, такая же любительница поваляться подольше, поднялась по первому зову и даже сама разбудила Маргошку, проворчав хрипловатым со сна голосом:

– Вставай, слышишь? И не хнычь, и не капризничай. Сегодня мама первый день на работу выходит, поэтому в садик нельзя опаздывать!

Ася улыбнулась Танечке благодарно:

– Ах ты моя умница... А какие взрослые интонации в голосе, надо же! И не подумаешь, что эти слова десятилетняя девочка произносит!

Утро как утро, в общем. Да, обошлись без капризов и суматохи, да, сели за стол завтракать. Она обежала лица детей

взглядом, улыбнулась бодренько, подумав быстро: «Счастье мое трехкратное... Кирилл, Таня, Маргоша. Все такие разные, все особенные».

Впрочем, каждой матери ее дети кажутся особенными, а на самом деле – дети как дети. Хотя Кирюшу трудно назвать ребенком, в свои пятнадцать уже с коломенскую версту вымахал! И в Танечке ничего этого детского, капризного нет, взгляд вдумчивый, отрешенный, с грустинкой. Будто в себя погружена и проблему важную решает. Хотя понятно заранее, что там за проблема такая...

Слава богу, хоть Маргоша остается ребенком! Да и как она может повзрослеть в свои пять лет? Вон какие глазки наивные, чистые, распахнутые миру доверчиво. Не понимает еще ничего... Ни того, от чего Кирюше пришлось повзрослеть так рано, ни того, почему у Тани глаза грустные.

И все хорошо, и утро обошлось бы без суматохи, если б не шустрая синица, залетевшая в кухонное окно. Уселась на холодильник, глянула на них, склонив голову набок, чирикнула и тут же вспорхнула, принялась метаться по кухне испуганно. Догадалась, что в западню попала... И никак не может выхода найти, хотя окно по-прежнему приоткрыто!

Ася подумала запоздало: «Надо же, какой подарочек прилетел... К добру ли?» Но что делать, сама виновата – гренки подгорели слегка, и пришлось открыть окно, впустить свежий воздух. А главное, совсем чуть-чуть его открыла, только на проветривание! И как синица сумела в такую маленькую

щелку пробраться? Замерзла, наверное. На улице-то не месяц май...

Маргошка так и застыла в изумлении, не донеся до рта ложку с кашей. Первым опомнился Кирюша, проговорил удивленным баском:

– Ни фиги себе, нежданчик! И что теперь делать, мам? Она же еще и гадить от страха начнет! Не дай бог, в наши тарелки!

– Вполне может... – растерянно согласилась Ася. – Видишь, как мечется...

– Так надо ее обратно в окно выпустить! Ей же и правда страшно! – жалостливо пропищала Таня, втянув голову в плечи.

– Сидите, я ее прогоню... – решительно встала из-за стола Ася.

Схватив кухонное полотенце и настежь распахнув окно, неуклюже махнула им в сторону синички, но та еще больше перепугалась и, пролетая над столом, успела-таки плюхнуться «нежданчик» между сахарницей и заварочным чайником.

– Ну, что я говорил? – победно воскликнул Кирюша. – Спасибо, хоть не в тарелку...

И тут же вскочил с места, предложил деловито:

– Я сам ее выгоню, мам... У тебя плохо получается. Ты ее будто боишься.

– Конечно, боюсь... Вдруг неосторожно сломаю крылышко!

– А-а-а... – тут же громко заплакала Маргошка. – Не надо обижать птичку, пусть она у нас останется! Она хорошая, я с ней играть буду! Мама, закрой окно, а то она улетит!

Наверное, именно это и понудило синицу быстренько найти выход – перспектива остаться в неволе ее не прельстила. Раз – и вылетела в окно, будто и не было...

Потом все вместе уговаривали Маргошку не расстраиваться, и Кирюша даже пообещал выпить вместо нее молоко, хотя терпеть его не мог. Чего для сестры не сделаешь, даже на подвиг пойдешь... Лишь бы не верещала!

Когда все успокоились, Кирюша спросил задумчиво:

– Мам... А ведь это примета какая-то есть, правда? Если птица неожиданно в окно залетает?

– Да ну, какая примета! – отмахнулась озабоченно Ася. – Что ты в приметы веришь, как старая бабка!

– Нет, но все же... Я сейчас гляну, найду в инете...

– А я сразу у Алисы спрошу! – опередила его Таня, тоже хватаясь за телефон, и вскоре по кухне полетел бархатисто-ласковый говорок виртуальной всезнайки Алисы:

– Птица залетает в окно – есть несколько вариаций приметы... Прыгает по столу – ждите веселую компанию. Села на мебель – к деньгам. Беспокойно летает по дому – к хлопотам. Оставила помет – появится новый вариант заработка.

– Ого! Заработок – это хорошо! Мам, слышишь? – весело прокомментировал Кирюша.

– Слышу, слышу... – задумчиво откликнулась Ася. – А я

вдруг вспомнила, как говорила про залетевшую в окно птицу моя бабушка... Будто это и не птица вовсе, а чья-то душа. Будто она сказать что-то хочет или предупредить...

– Чья душа, мам? – эхом откликнулась Таня.

Ася глянула на дочь настороженно – да, так и есть... Опять ее милое личико стало задумчивым, и бровки сдвинулись, глаза подернулись поволокой. Будто девочка уже не с ними, не здесь, а пребывает где-то в своем мире, неведомом, опасливом.

Да, она боялась, когда Танечка вот так «проваливалась». Может, и не стоило бояться, ведь знала, какая дочке досталась природа – нежно-романтическая, фантазийная. Наверняка и в этот момент поэтическое вдохновение снизошло...

А дотошная Алиса из Таниного телефона все продолжала и продолжала бубнить:

– ...Синичка так же прилетает к рождению малыша или к свадьбе, если в семье есть девица на выданье...

Громкий Кирюшин смех перебил говорок Алисы, и Таня будто очнулась, моргнула испуганно. И медленно повернулась к брату, спросила чуть обиженно:

– Ты чего смеешься? Напугал...

– Ты слышала, что Алиса сейчас сказала? Синица – это же к свадьбе! Это ты, что ли, у нас девица на выданье, Танька? Пора к свадьбе готовиться, да? Ты только заранее нас с мамой предупреди...

– А почему сразу я? – пожала плечами Таня. – Может, это

у мамы будет свадьба?

– Не, у мамы как раз нет шансов... Вот если б она вдовой была...

– Ты совсем дурак, что ли? Кринжово как высказался, офигеть!

Ася поперхнулась кофе, закашлялась, махнула рукой. Подумала про себя испуганно: «Ничего себе у Танечки перепады! От романтической задумчивости до этого вот непонятно грубоватого подросткового сленга! Причем перепады мгновенные, и опомниться не успеешь!»

– Тань, что за выражения? – спросила строго.

Хотя строго не получилось. Через надсадный кашель и хриплый голос – какая строгость?

– А чего он, мам... Чего он всякие глупости говорит!

– А что я такого сказал, интересно? – запальчиво переспросил Кирюша.

– А то... Ты сказал – вот если бы мама была вдовой... А вдова – это когда у женщины муж умирает, понятно тебе? А наш папа живой!

– Так я ж ничего такого в виду не имел... – сказал Кирюша. – И вообще... Бабушка так же говорила, я слышал...

– А как бабушка говорила? – осторожно переспросила Ася.

– Да так же примерно... Я сам слышал... Мол, если бы ваша мама вдовой была, было бы все понятно. А то живет не пойми кем... Вдова хоть звучит благородно... А так по-

лучается – разведенка с большим прицепом! Хотя мама и не разведенка вовсе, она вроде как папина жена все еще...

– Кирюша, прекрати! Прекрати сейчас же! – резко оборвала Ася сына и даже ладонью по столешнице слегка хлопнула.

– А я что? Я ничего... Тем более ты сама спросила... – обиженно протянул Кирюша. – Я всего лишь бабушкины слова повторил, а ты сердишься! Сама спросила, сама теперь обижаешься, выходит?

– Ну спросила... Но я же не потому спросила... И вообще! Мало ли что говорит бабушка! Ваш отец жив и здоров, слава богу! И неважно, в каком мы с ним статусе пребываем, вовсе не важно!

– Да так оно, мам... Не важно, конечно. Только, знаешь... Есть статус, а есть настоящая правда. Отец ведь нас бросил? Бросил! Нет его. Не-ту...

Кирюша развел руки в стороны, глянул на нее исподлобья. И повторил с тихой настойчивостью:

– Нет его, мам... Вот и получается, что бабушка где-то права. Ты теперь ему не жена и не вдова, ты не пойми кто. А значит, и мы с Танькой и Маргошкой тоже... не пойми кто!

– Ты... Ты в своем уме – говорить такое? – ужаснулась Ася, распахнув глаза и положив руку на грудь. – Да как ты можешь вообще! Как у тебя язык поворачивается! Не стыдно, а?

– Это мне должно быть стыдно? Это ему должно быть

стыдно, мам! Это же он нас бросил!

– Это неправда! Он вас не бросал! Он вас очень любит! Да, папа давно не приходил... Но это же ничего не значит... Просто он очень занят сейчас! Работы у него много! Да и что значит – давно не приходил? Это не совсем так... Он же две недели назад у нас был, ты что, разве не помнишь?

Кирилл хотел ответить и даже слегка подался вперед, но она не позволила ему этого сделать. Проговорила решительно:

– И вообще, это не тема для разговора! Тем более вам с Таней давно пора выходить, на первый урок опоздаете!

– Но я еще не позавтракал... – обиженно опустил глаза в тарелку Кирилл.

– Так ешь быстрее! Таня, ты поела? – повернулась она к дочери.

– Да, мам... Я пойду, рюкзак соберу...

– А с вечера нельзя было это сделать?

Таня посмотрела с насмешливой укоризной – мол, чего это ты вдруг включила грозную мамочку...

Да, не получилось у них приятного семейного завтрака. Бывает. Тем более и впрямь везде опоздать можно.

– Маргоша, нам тоже пора... Пойдем одеваться, солнышко. Надо поторопиться.

Выходя из кухни, она бросила через плечо, стараясь придать голосу больше веселой беззаботности – мол, все у нас хорошо, сынок, никакой недомолвки меж нами и не было!

– За Таню отвечаешь, как обычно... Знаешь ведь, какой она бывает рассеянной. Перекресток переходите вместе, держи ее за руку, ага?

– Да понял, мам, понял...

Слава богу, голос у сына прозвучал без единой нотки обиды. Жить можно!

Потом все вместе еще потолклись в прихожей, надевая курточки. Таня торопливо сунула ей тетрадный листочек в карман, прошептала едва слышно:

– Потом посмотришь, мам, ладно?

– Хорошо, Танюш... Все, идемте, идемте!

Так и вывалились всей компанией из подъезда и какое-то время шли гурьбой. Кирилл с Таней чуть впереди, она с Маргошей сзади. Она вдруг увидела, что Кирюша вырастает из курточки... Вон, рукава запястья уже не прикрывают! Ну куда он растет, куда? В свои пятнадцать такой уже дылда...

И Тане надо бы новые кроссовки купить...

На углу разделились – Кирюша с Таней пошли к перекрестку, а им с Маргошей надо было поспешать по другой улице до детского сада. Вдруг вспомнила, что Таня сунула ей листочек в карман...

Достала, развернула на ходу. Уже знала, что там очередной поэтический выплеск... И остановилась на полминуты, прочитала тихонько вслух:

Вдруг залетела в окно синица.

**Это чья-то душа веселится?
Мы испугались, и душа улетела.
Так жалко! Лучше бы песенку спела!**

Вот как это назвать, а? И не стихи вроде, а с другой стороны... Что это, если не стихи? И сколько уже таких листочков за последнее время... Много, много. Даже отдельную папку для них пришлось завести. Не выбрасывать же...

Иногда ее и впрямь пугала эта манера Танечки – выражать свое отношение к происходящему в этих... Даже не знаешь, как это назвать. Вчера, например, нашла у нее под подушкой очередной листочек, прочитала... И запомнила, и потом долго еще в голове эти строчки вертелись:

Осенью нет синего цвета.
Есть желтый, багровый и красный.
Осень – это не лето...
Осенью нет синего цвета.

С одной стороны, смешно, да... И вроде ничего особенного. А с другой стороны... Вдруг это и впрямь стихи? А что... Какое-нибудь модное нынче течение... Похожее на японское хокку.

Пока рассуждала сама с собой, дошли с Маргошкой до садика. Вошла в калитку и увидела – на двери листок с текстом прикреплен. Объявление. И сразу поняла – не к добру... Оно так и оказалось, конечно. Трубу в садике прорвало.

Не работает сегодня. И завтра, скорее всего, тоже. «Уважаемые родители, приносим извинения за неудобства».

Да пошли бы вы к лешему со своими извинениями, черт бы вас побрал! Ну как так-то, а? Сегодня же не простой день, сегодня первый день выхода на новую работу!

И что теперь делать? Стоять и продолжать про себя чертыхаться? И кому от этого легче будет?

– Мамочка... Мы что, разве в садик не пойдем? – потянула ее за руку Маргоша. – Мы обратно домой пойдем, да?

– Нет, домой не пойдем... Придется тебе погостить у бабушки. Сейчас я ей позвоню...

Уже и телефон из кармана достала, и совсем было собралась кликнуть мамин номер, но призадумалась. Нет, не надо звонить, пожалуй... Потому что по телефону всегда проще отказать, и мама непременно это сделает. И ее можно понять... Без того устает с больной бабушкой, а она ей еще одну заботу навяжет!

Да, пусть она будет плохой дочерью. Бессовестной эгоисткой. Прости, мам... Но что делать? Прости...

И кликнула вместо номера мамы номер начальницы отдела кадров. Надо же объяснить, почему она вовремя не появится!

Разговор получился суровым, конечно же. И начальницу тоже можно понять – что за сотрудницу такую нерадивую приняла. В первый же день – и опаздывает. Мало ли у кого какие личные проблемы бывают! Нехорошо, однако.

Самой себе противна была, когда извинялась елеинным голосом, объясняла, что трубу в садике прорвало, будь она неладна, эта труба. Потом еще извинялась. И еще. Будто она сама эту злосчастную трубу прорвала.

И будешь тут извиняться, конечно! И терпеть нотки недовольства и раздражения в голосе начальницы будешь! Не объяснишь же этой начальнице, как трудно устроиться на работу женщине с тремя детьми, правда? Еще и с более-менее приличной зарплатой... Хотя, если честно, какая там зарплата у офис-менеджера? Но и за такую спасибо, что ж... Фирма-то успешная, и офис-менеджера зарплатой не обидели. Да если б кто знал, с каким трудом она эту работу нашла! Не отказываться же теперь от нее, правда?

Хорошо, что мама живет в этом же районе, можно быстро добраться. Только бы она дома была...

Слава богу, мама была дома. Но перспектива сидеть весь день с внучкой ее не обрадовала.

– Ася, ну что же это такое... Ты же прекрасно знаешь, у меня бабушка на руках! А за ней уход нужен! За ней глаз да глаз! Я что, разорваться должна, по-твоему?

– Мам, я все понимаю, да... Ну, пожалуйста, мам... У меня сегодня первый рабочий день...

– Ну и что? Твоя никчемная должность ни к чему тебя и не обязывает, можно и пропустить пару деньков! Без тебя обойдутся. Ну что это вообще такое – офис-менеджер? Это называется красиво, а на самом деле... В мои времена эта

должность называлась просто завхозом!

– Ой, что ты говоришь, мам... Я с таким трудом нашла это место, что ты! Тем более там прилично платят...

– Да? Хорошо... Если для тебя это важно, так отвела бы Маргошу к Богдану! Он же отец, он должен тебе с детьми помогать!

– Мам... Он же работает, как же я... Куда я приведу Маргошу, к нему на работу?

– Тогда пусть его молодуха с ребенком сидит! Она-то не работает, насколько я знаю? Хотя какая-то польза от нее будет! Ведь ни стыда ни совести у девки нет, взяла и увела мужа из многодетной семьи! В наше время такое вообще невозможно было, а теперь все дозволяется, пожалуйста! Никто и никак не может защитить многодетную мать!

– Мам, перестань... Как ты предлагаешь меня защитить?

– Да ведь можно же как-то таких сволочных мужиков образумить... Это же хуже всякого преступления, если на то пошло!

– Да какого еще преступления? По-твоему, разлюбить жену – это преступление?

– Просто жену – нет! А жену с тремя детьми – да!

– Мам, ну что ты говоришь...

– Я знаю, что говорю! Ишь, пристроился – на две семьи жить... Только плохой из него Фигаро, не получается у него и здесь и там... А обещаний-то сколько было, а слез и стенаний! И ты тоже... Как, как ты все это могла допустить, Ана-

стасия, скажи?

– Мам, давай потом поговорим, ладно? Я и без того уже очень сильно опаздываю!

– Поговоришь с тобой, как же... Разве ты меня когда-нибудь слушала?

– Все, мам, убегаю... Маргоша дома позавтракала, кормить не надо. Все, пока...

Уже спустившись на один пролет, подняла голову вверх, глянула быстро. Увидела, как мама наклонилась к Маргоше, говорит ей что-то ласково, одной рукой пытаюсь закрыть дверь, другой рукой развязывая тесемки на шапочке. Любит ведь внучку и рада наверняка ее видеть... Но такой уж у мамы характер – ни за что не будет сентиментальничать. Пусть родная дочь свое место знает...

Она и знает. И все понимает. Но иногда... Иногда так хочется этой сентиментальности, хоть плачь!

* * *

Заскочила в автобус, удачно села у окна, отдышалась. Хорошо, что ехать недолго, всего три остановки. И впрямь ведь все хорошо срослось с этой работой – и от дома недалеко, и деньги приличные! И даже не посмотрели на то, что у нее трое детей... А то ведь как бывает? Узнали про детей и сразу пугаются! Мол, все время на больничных сидеть будете! И можно такой испуг понять... Но взяли, пошли на-

встречу! Повезло, что тут еще скажешь?

Хотя мама права – у ее новой должности только название красивое. А на самом деле ничего хорошего в ней нет, одни только побегушки да колотушки. Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. И попробуй забудь что-нибудь. А если не принесешь, плохая будешь. Выговор получишь, то есть ту самую колотушку.

А с другой стороны – и за это спасибо. Все равно выбирать не приходится.

Вот и ее остановка! Теперь только до офиса пробежать осталось...

Когда поднималась по ступеням крыльца, услышала за спиной раздраженный мужской голос:

– Нет, мы не договоримся, потому что решение уже принято! И не надо меня уговаривать, я вам не девица на первом свидании! Нет, это не хамство... А если и хамство, то вы сами создаете для него повод!

Она оглянулась и быстро шагнула в сторону, уступая дорожку хозяину сердитого голоса. Даже не шагнула, а отпрыгнула, как пугливая лань. Потому что мужчина шел напролом, надвигался как непробиваемая стена и, казалось, ничего перед собой не видел. Такие у него были глаза... Будто слепые. Подернутые пеленой гнева.

И мелькнула в голове догадка – это же генеральный! Тот самый, которого все боятся! Даже суровая начальница отдела кадров, и та говорила о нем с придыханием... И даже чуть

заикалась, когда разговаривала с ним по телефону.

Когда генеральный проходил мимо, по-прежнему прижимая к уху телефон, она поздоровалась робко:

– Здравссьть...

Конечно же, он не услышал, мимо прошел. Наверняка даже не увидел ее. Стоит какая-то женщина в сторонке, испуганная, смущенная, зачем на нее внимание обращать?

Начальница отдела кадров встретила ее слегка снисходительно:

– Ну что, вы устроили все свои дела, надеюсь? Можете приступать к работе?

– Да, могу... Еще раз простите, что опоздала. Я ведь не знала, что в детском саду авария...

– Ладно, ладно, не объясняйте. Мне все равно, что там у вас приключилось. Просто постарайтесь больше не опаздывать, вот и все. У нас тут с дисциплиной очень строго.

– Да, конечно, я понимаю... Не буду больше...

– Так и договоримся. И вот, возьмите ключи от своей комнаты. Осваивайтесь. Хотя... Зайдите сначала к секретарю, она очень просила. Что-то у нее там срочное... Кажется, бумага для принтера закончилась. И еще в бухгалтерию зайдите, они тоже просили... Если надо будет куда-то срочно выехать, скажете секретарю, она распорядится с машиной и водителем. Да, и мне тоже многое понадобится купить, вот, я список уже приготовила... И пожалуйста, следуйте этому списку, никакой фантазии проявлять не надо! Да, и еще к

системщикам надо зайти, у них тоже какие-то заявки были!

– А кто это – системщики?

– Системные администраторы. Те, которые компьютерной техникой занимаются, – удивленно глянула на нее начальница и пожала плечиком, выражая то ли досаду, то ли недовольство ее непонятливостью.

Ася стояла, кивала головой молча. Старалась запомнить изо всех сил – куда бежать и что делать. Чувствовала себя Золушкой перед лицом грозной мачехи, которая не устает выдавать распоряжения – перебрать фасоль, белую отделить от черной, посадить семь розовых кустов, подумать о смысле жизни...

– Все, идите! – милостиво разрешила мачеха-начальница. – Вы запомнили, надеюсь? Сначала к секретарю...

– Да, к секретарю... – эхом повторила Ася, направляясь к двери. Потом обернулась, спросила быстро: – А где секретарь, не подскажете?

– В приемной, где же еще... На втором этаже, направо, в конце коридора. Идите, идите, не отвлекайте меня больше...

Секретарем генерального директора оказалась милая девушка – улыбнулась ей, как давней знакомой:

– Привет... Ты ведь наш новый офис-менеджер, да? Как тебя зовут?

– Анастасия...

– Понятно. Настя, значит?

– Нет... Меня все Асей зовут. Я привыкла.

— Ну, Ася так Ася... Тебе и впрямь это имя больше подходит. А меня Наташей зовут! Надеюсь, мы подружимся, Ася. Потом приходи ко мне, когда освободишься. Посплетничаем. И когда шефа на месте не будет. Я все и про всех тебе расскажу, в курс дела введу. С кем тут можно дело иметь, а от кого подальше держаться. Приходи!

— Да я уж и не знаю, когда освобожусь... Сразу столько дел навалилось! И туда надо, и сюда... Разве я успею все за один день?

— А ты как хотела? Мы уже две недели живем без офис-менеджера! Кадровичка хотела на меня все дела свалить, но я тоже, знаешь... Не лыком шита. Как сядешь на меня, так и слезешь. А ты давай, Ася, крутись... Ничего, потом уже свободнее будет, как все накопившиеся проблемы раскидаешь! Конечно, бухгалтерия тебя тоже под самую завязку загрузит... Зато водитель, с которым ты по делам будешь ездить, — классный мужик! Он тебе и поможет, и подскажет... Его Николаем зовут.

— А отчество?

— Да можно без отчества. Он дядька такой... Из простых. Добрый, старательный. Лет десять уже тут работает. А вот тебе мой список, что нужно... Ты постарайся все это в первую очередь привезти, ладно? Считай, это для шефа. Сейчас я Николаю позвоню, так что можешь идти вниз, к машине.

— А какая машина? Как я ее найду? Там столько машин внизу...

– Да я скажу Николаю, чтобы он тебя на крыльце встретил. Не переживай. В первый день всегда трудно, потом привыкнешь. Мне тоже трудно было, даже поплакать пришлось, помню. А потом ничего... Зато теперь офис как дом родной!

Ася кивнула, улыбнулась благодарно. Хотела было уйти, но не успела – дверь кабинета шефа распахнулась, и вот он сам вышел в приемную, кинув в ее сторону холодный взгляд. Такой холодный, что Асе показалось, будто внутри у нее все обмерло. А шеф спросил грубовато:

– Вы кто? Вы ко мне?

– Нет, Сергей Александрович, это наш новый офис-менеджер... Ее Асей зовут. Это она ко мне зашла... – быстро пояснила Наташа.

Шеф никак на это не прореагировал, только бросил сердито:

– Сделай мне кофе, и покрепче! Никого ко мне не пускай, я занят!

И тут же скрылся за дверью. Ася выдохнула, спросила шепотом:

– Он всегда такой, да?

– А какой? Сегодня еще вполне себе ничего... – пожала плечами Наташа, вставая со своего места. – Бывает и хуже... Особенно в последнее время. Но на то и причины есть... Я потом тебе расскажу. Он часа в три уедет в администрацию, приходи... Посидим спокойно, без суеты.

– Ой, не знаю... Столько дел... Успею ли я к тебе зайти...

– Ну ты тоже, знаешь... Не очень старайся. Если будешь из кожи вон лезть, все равно никто не оценит. Даже наоборот... Сразу поставь себя в коллективе, поняла? Не суетись, не спеши всем угодить. Иначе сожрут и не подавятся. Короче, приходи ко мне после трех, я тебя всему научу, как тут выживать надо. Коллективчик еще тот, много личностей на всю голову прибабахнутых. Давай, жду...

Водитель Николай и впрямь оказался нормальным дядькой. Спросил с улыбкой, когда сели в машину:

– Стало быть, ты Ася? Хорошее имя... Только чего такие глаза испуганные?

– Так я первый день работаю... Еще не знаю ничего. Волнуюсь очень.

– Не тушуйся, Ася! Все сделаем как надо. Я уже все пути знаю, куда ехать, где что забирать... Прежнюю-то хозяйшку я тоже возил.

– Как вы хорошо сказали – хозяйшка...

– А как же еще? Всем хозяйством, стало быть, заведует. Хорошее дело. Ничего, привыкнешь! Хотя... Ты уж старайся, Ася. С нашим генеральным не забалуешь. Если стараться не будешь, разговор у него короткий – вон бог, вон порог. Он у нас такой... Видела его, нет?

– Видела. Сегодня утром. И потом еще в приемной... Он всегда такой сердитый, да?

– Да не, вообще он нормальный мужик... А что строго с подчиненных спрашивает, так это так и надо, наверное? И

не сердитый он вовсе. Просто у него такая беда в последнее время образовалась, что не приведи господь...

– Какая беда?

Николай ничего не ответил, вздохнул только. Некоторое время ехали молча, потом он вдруг сам заговорил:

– Такая вот беда, что в двух словах и не расскажешь... Да я бы и не стал тебе говорить, не привычен я о чужих делах сплетничать! Только ведь все равно узнаешь... Уж все в конторе давно об этом шепчутся, особенно бабы. И что за манера у них такая – чужие несчастья перебирать? Одна овца узнала про все это случайно и давай языком трепать! Вот убил бы, ей-богу, если б узнал, кто эту сплетню в контору принес...

– Ну уж сразу и убил бы...

– Да ладно, это я так. Не пугайся. Просто неправильно это, согласишься? В чужой беде с интересом копать и удовольствие от этого получать.

– Да что за беда такая? Что случилось? Что-то серьезное?

– Серьезнее некуда... Считай, у нашего генерального сердце из груди вырвали да растоптали. Больно ему теперь, без сердца-то. Шибко больно.

– Ой...

– Вот тебе и ой! Он и не думал, и не гадал, что так будет... Жил себе и жил, и счастливо жил. Жену шибко любил, в дочке души не чаял. А жена взяла да и уехала вместе с дочкой в Германию! Сестра у нее там, родственники... Она вообще

часто туда ездила. Он отпускал, не подозревал ничего... А она вдруг объявила ему – ухожу, мол, от тебя. Другого себе нашла. Немца богатого.

– Как это – объявила?

– Ну уж не знаю как... Может, позвонила оттуда или письмо написала. Да это неважно... Главное, она такую подлянку решила сделать, что и придумать трудно! Она дочку с собой увезла. И сообщила ему, что навсегда увезла. Мол, прости, дорогой, но дочку ты больше никогда не увидишь. Я решила, что для нее так лучше будет. И отец другой у нее будет – тот самый немец. Так что лучше забудь...

– Да как же это, Николай... Это же очень жестоко...

– А я о чем? Это не просто жестоко, это подло! Подумала бы – что значит «забудь»? Во дура баба, а? Как может человек взять и свое родное дитя забыть? Он же не зверь какой-нибудь... Тем более если любит его всем сердцем. Он уж и адвоката какого-то крутого нанял, чтобы ребенка отвоевать. А что делать? Ладно, любовь к бабе еще можно из сердца вырвать, а как вырвешь из него родного ребенка, кровиночку? Только вместе с сердцем и можно...

– Да уж, трагедия... Понимаю...

– Да не то слово! А это наше бабье... Разве они что в этом понимают? Как принялись чужое горе по полочкам раскладывать, не остановишь! Прямо какое-то удовольствие в этом находят... Это ж, мол, не просто горе, это их начальника горе! Значит, горе особенное и интересное! Вот ей-богу, если

б я знал, кто сплетню принес, точно убил бы...

– И что же, у него нет никаких шансов дочку теперь увидеть?

– А как ее увидеть? Если он понятия не имеет, где она в Германии той находится и где этот богатый немец живет.

– Но ведь можно же как-то... В розыск подать... В Интерпол...

– Ну, ты замахнулась! Ага, щас! Прямо вся Германия сразу на уши встанет и кинется помогать! Да наоборот же все будет! Нет, какие-то законы есть, конечно... На бумаге... А на деле – сама понимаешь...

– Но ведь не должно быть так, что ничего сделать нельзя! Все равно есть какой-то выход!

– Думаешь, украсть можно, да? Но ведь жена точно не дура, она все предусмотрела, все следы хвостом замела!

– А сколько дочке лет?

– Да маленькая еще, лет восемь или девять... В ее голову хоть что сейчас можно вложить, всему поверит. Наговорят ей всяких пакостей про отца, и готово дело. Да, жаль мужика... А мы уже и приехали, кстати! Вон видишь, магазин канцтоваров? Там бывшая хозяйюшка и закупалась. Иди давай, делай свои дела. Позвони мне, когда товар надо будет забрать, помогу донести до машины.

– Спасибо... Спасибо вам, Николай.

– Ну что ты... Еще и дела не сделали, а ты уж благодаришь... Давай, действуй!

При помощи доброго Николая она и впрямь быстро со всем управилась. Конечно, без круговерти суматошной не обошлось, но это ведь первый день... И только к концу дня по урчанию в животе вспомнила, что не обедала. И страшно захотелось хотя бы чашку чаю выпить. Тут же и вспомнила – ведь секретарша Наташа звала на чай...

Заглянула в приемную, и Наташа махнула ей рукой – заходи!

– Шеф как раз уехал, посидим спокойно... Ну, как у тебя первый рабочий день прошел? Голова не кружится?

– Да, есть маленько... Я даже забыла, что ничего не ела с утра. Только дома позавтракала.

– Бутерброд с сыром будешь?

– Нет, мне чаю только...

– Чаю так чаю. А я кофе попью... Посидим, посплетничаем. Ой, ты даже не представляешь, что у нас тут творится... Вся фирма на ушах стоит, только эту новость и обсуждают! Это же просто умереть и не встать... Вот влип так влип наш генеральный... Так жену свою любил, на руках носил! А она взяла да и бросила его, в Германию к родственникам уехала! И ребенка с собой забрала! Навсегда, представляешь? Вот генеральный и бесится теперь, и орет на всех... Будто кто-то виноват, что жена его бросила!

– А... Как об этом узнали-то? Кто мог рассказать об этом?

– Да я сама и узнала! – с гордостью произнесла Наташа, откидываясь на спинку стула. – Так все получилось интерес-

но... Представляешь, моя соседка по лестничной клетке, она ж дальняя родственница его жены... Она мне и рассказала. Я как услышала, чуть в обморок не грохнулась! Ну, думаю, теперь понятно, отчего шеф такой злой в последнее время ходит...

– Значит, это ты... – задумчиво произнесла Ася, с неприязнью глянув на Наташу.

Секретарша моргнула, уставилась на нее с удивленной обидой. А Ася продолжила тихо:

– Ну, узнала ты, допустим... Зачем же всем об этом сказала? Ведь это же нехорошо... Неправильно это! Ты вынесла чужое горе на общее обозрение, еще и радуешься теперь, и гордишься! Как же ты могла?

– Что-то я не поняла... – обиженно сказала Наташа. – Ты что, меня стыдить собралась, что ли? Вот чудачка... Пришла сюда без году неделю и уже права качает... Ты ненормальная, да?

– Я совершенно нормальная. А ты – нет. Неужели ты сама не понимаешь, что поступила плохо? Неужели тебе совсем не стыдно?

– Нет, вы посмотрите... Она меня еще и отчитывает! Да ты кто такая вообще? Тебя кто-то о чем-то спросил? Я от души рассказала, а ты... К шефу таким образом подъехать решила, что ли? Мол, я такая честная, а вас окружают одни сплетницы и сплетники? Можно подумать, он так сильно нуждается в твоей защите, что умереть не встать!

Ася долго смотрела на нее исподлобья, ничего не отвечала. Потом проговорила чуть насмешливо:

– Где-то я эту фразу явно слышала, никак не могу вспомнить...

– Какую еще фразу? – икнула от неожиданности Наташа.

– Вот эту – умереть не встать... Да, вспомнила! Это же секретарша из рязановской комедии так говорила!

– И что?

– Да ничего... Наверное, все секретарши друг на друга похожи и выражаются примерно одинаково. И сплетни ужасно любят распространять, как в том фильме... Вспомнила, кстати. Он «Служебный роман» называется. Его часто по телевизору показывают, посмотри при случае.

– Ты... Ты совсем ненормальная, что ли? При чем тут какой-то фильм?

– Ладно, спасибо за чай. Жаль, что ты так ничего и не поняла... – вставая с места, тихо проговорила Ася.

Выйдя за дверь, она пожала плечами, вздохнула грустно – вот, уже и врага себе нажила... И куда ее понесло с обвинениями? Почему она никогда не может вести себя так, как ожидают другие? Почему ее несет против течения? Взяла и обидела человека. Но ведь она ничего плохого не сделала, она всего лишь сказала то, что думает... Что сплетничать нехорошо, что смаковать чужую беду нехорошо! Что добрее надо быть к человеку, попавшему в беду, пусть даже этот человек – твой начальник!

Глянула на часы и тут же забыла про этот неприятный инцидент с Наташей – рабочее время закончилось! Надо бегом к маме бежать, забирать Маргошку. Иначе и от мамы выговор получит...

* * *

– ...Как же я устала, ты себе и представить не можешь! – трагически сплела пальцы рук мама и болезненно прикрыла глаза. – Голова просто раскаляется! Думаешь, мне легко одной с ними – со старым да малым? Маргоша хоть не капризничает, а с мамой совсем стало трудно! Сегодня вдруг заявила мне, что я плохая мать, что не умею поддержать тебя ни словом, ни делом. Нет, это я плохая мать? Я? Да я каждую минуту о тебе думаю, каждый твой одинокий день переживаю как свой! Да я все готова отдать, чтобы у тебя жизнь хоть как-то устроилась! Бьюсь как рыба об лед, и все без толку! Боже, как я устала...

Ася молча слушала маму, сидя за кухонным столом. Знала, что лучше молчать и лицо делать виноватое и покаянное. Как в детстве. Мол, прости, мамочка, я тебя огорчила, я больше не буду. Но маму ее молчание почему-то не устраивало. И лицо виноватое не устраивало.

– Почему ты отмалчиваешься, Ася? Я что-то не то сказала? Но я же действительно устаю!

– Я понимаю, мам. Да, с бабушкой теперь трудно, еще и

Маргошу я тебе привела. Надеюсь, завтра все же садик будет работать...

– Надейся, что ж! Ты всегда на что-то надеешься! Живешь – как в облаках витаешь! Тебя, между прочим, муж с тремя детьми бросил, а ты ведешь себя так, будто ничего не случилось! Вот что меня больше всего убивает!

– Почему же бросил, мам? Он не бросил. Он просто разлюбил...

– А это не одно и то же?

– Нет.

– Вот вся ты в этом, Ась... Всему находишь объяснения и делаешь вид, что все прекрасно! А на самом деле... Нет, неужели ты и впрямь считаешь, что все хорошо, что жизнь твоя не изменилась к худшему и Богдан ни в чем не виноват? Почему ты его все время защищаешь? Да разве он поступил с тобой не жестоко, не подло? Разлюбил, главное! Тоже мне оправдание! Да наличие в семье троих детей не оставляет никаких вариантов для порядочного, честного мужика! Разлюбил, не разлюбил, а живи... Подлец твой Богдан, больше я никак его назвать не могу!

На кухню пришла Маргоша, сунулась носом Асе в плечо. Потом повернула голову, глянула на бабушку умными глазами и вздохнула.

– Не надо при ребенке... – поторопилась остановить маму Ася. – При мне можешь сколько угодно высказываться, а при детях не надо. Он же отец...

– Да не ругаю я его при детях, с чего ты взяла?

Мама осеклась и проговорила тихо, уже в другой интонации:

– Иди, детка, включи телевизор в комнате... Там наверняка сейчас мультики показывают! Иди...

Маргоша послушно кивнула, ушла. А мама повторила с прежним напором:

– Да не ругаю я твоего Богдана при детях! Я все понимаю, не думай! Не надо из меня монстра делать, пожалуйста!

– Но как же, мам... Разве не ты рассуждала с Кирюшей о том, что мне вдовой быть лучше? Он сегодня это выдал за завтраком...

– Не знаю! Может, и рассуждала, не помню уже! А что мне – и слова сказать нельзя? Я же и так тебе помогаю как могу... Из последних сил... А я ведь не молоденькая, между прочим! Здоровье уже не то! Я сама уже старуха, а у меня на руках старая мать!

– Мам, ну какая ты старуха... Тебе шестьдесят всего. Ты прекрасно выглядишь, очень молодо. Тебе никто твоего возраста не дает!

– Ой, да какое там... – кокетливо махнула рукой мама, но сердитый блеск в ее глазах все же пропал, и даже мелькнуло на лице подобие самодовольной улыбки.

Хотя целительное действие стихийного комплимента продолжалось недолго, и мама опять вернулась к прежней болезненной теме:

– Как подумаю, во что твоя жизнь превратилась, так просто с ума схожу... И я ведь знала, что именно этим все кончится! Я тебе предупреждала, Ася, помнишь?

– Нет, не помню... – болезненно поморщилась Ася. – О чем ты меня предупреждала?

– Да хотя бы о том, что не нужно торопиться замуж, не нужно торопиться детей заводить! И что, я не права была, скажешь? Ведь ты даже институт не закончила... Ушла в академический отпуск после первого курса и не вернулась!

– Но ведь Кирюша болел все время... Как же я могла...

– Ну да. Конечно, не могла, – саркастически усмехнулась мама. – Зато второго ребенка родить смогла! Потом и третьего! И это все, на что ты была способна, да? Полностью зависеть от мужа, жить жизнью клуши... Да у тебя даже ума не хватило мужа около себя удержать! О чем еще говорить можно? Взял и бросил тебя! Совершенно легко! С тремя детьми бросил!

– Да хватит уже, мам! – потеряла терпение Ася. – Сколько можно говорить об одном и том же? Я сто раз тебе объясняла, что Богдан меня не бросал! Я сама его отпустила! И он не подлец! Он не виноват в том, что полюбил другую!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.